

Н.А. Ёхина

ЭМИГРАНТЫ, РЕВОЛЮЦИОНЕРЫ
И КОРОНОВАННЫЕ ОСОБЫ:
«РУССКАЯ ВОЛОСТЬ» Е.Е. И Ю.А. ЛАЗАРЕВЫХ
В БОЖИ НАД КЛАРАНОМ

В 1896 г., после долголетнего пребывания в Швейцарии, врач по образованию, литератор и переводчик Сергей Маркович Перский (1870–1938) выпустил книгу «Швейцария на берегу Женевского озера», чтобы «подробно ознакомить русскую публику, всё более и более наезжающую» [Перский 1896, с. 3] в эту страну, с ее красотами. «Жить на берегах Лемана, — воскликнул Перский, — истинное наслаждение. Кто, посетивши швейцарские берега его, не восхищался красотою и уютностью лежащих там городков и деревень, где всё дышит спокойствием и довольствием, этой массою членоков с развивающимися флюгерами, бороздящих озеро по всем направлениям, и голубыми водами Лемана, в которых отчетливо рисуется каждый листик, дрожащий на ветвях разнообразных деревьев, растущих на его берегах, и, наконец, этими излюбленными жилищами богатых иностранцев — элегантными, роскошными виллами, укрывающимися, точно гнезда птиц, среди зелени и цветов?» [Там же, с. 8].

Когда сравниваешь виды Вёве и Монтрё на фотографиях в книге С.М. Перского с тем, как выглядят эти места сегодня, кажется, что за сто с лишним лет здесь мало что изменилось. Но мог ли кто-нибудь представить, что «слава величайших красот природы» этих мест, сочетавшаяся на протяжении многих веков «со славой величайших имен человечества» [Там же, с. 20–21], окажет далеко не умиротворяющее воздействие на революционно настроенную часть той самой «наезжавшей» в Швейцарию русской публики и, напротив, станет благоприятной почвой для генерирования в ее головах идей, реализация которых приведет к тотальным разрушениям во всех сферах жизни их собственной страны? Вопрос в известном смысле риторический. Однако в рамках настоящей статьи мы постараемся дистанцироваться (полностью уйти не удастся) от политического аспекта жизни русских эмигрантов в Швейцарии в конце XIX — начале XX в. (об этом написано немало) и приоткрыть другую, менее изученную, но не менее насыщенную интересными событиями, бытовую сторону их зарубежной эпопеи.

Многие российские политэмигранты, оказавшись в стране-курорте, где врачевателем выступала сама природа, старались поправить подорванное в тюрьмах и ссылках здоровье. Большинство из них, конечно, были крайне стеснены в средствах и в то время не могли позволить себе лечение, доступное богатым иностранцам, «элегантными, роскошными виллами» которых так восторгалася С.М. Перский. Русские были вынуждены изыскивать другие возможности и

места, чтобы лечить свои телесные хвори. Таким местом «санаторно-курортного лечения» и одновременно «домом творчества», где революционеры всех мастей и направлений вольно и невольно взаимодействовали друг с другом, стала молочная ферма в деревне Божи над Клараном (*фр. Baugy sur Clarens*) в районе Монтрё. Содержали ее известный народник, один из основателей партии эсэров Егор Егорович Лазарев (1855–1937) и его жена Юлия Александровна (по первому мужу Лакиер; 1854–1932), организовавшие здесь лечение кефиром – модным в то время в практике европейских и российских медиков целебным напитком¹.

В начале XX в. название Монтрё объединяло около двадцати деревень общин Шателяр, Ле-Планш и Вейто кантона Во. На территории первой из них, у подножия замка Шателяр (*фр. Château du Châtelard*), находилась группа деревень, в числе которых и был Кларан, а над ними, «на половинной высоте горного склона», располагалась другая группа, к которой и относилась деревня Божи. По сведениям С.М. Перского, население всех трех общин (к 1896 г.) насчитывало около 10 000 человек, более 2 000 из них составляли иностранцы [Перский 1896, с. 52–53]. Последних особенно привлекала «красота положения всей этой местности, богатая растительность, мягкий климат и прекрасные, гигиенические условия курорта...» [Там же, с. 56].

Называя свою ферму «русской волостью»², Е.Е. Лазарев писал, что через нее в течение двадцати с лишним лет «прошли тысячи и тысячи русских эмигрантов, учащейся молодежи, съезжавшейся на лето со всех стран Европы, и множество приезжих из России русских, больных и здоровых путешественников» [Лазарев 1924, с. 22]. Были среди посетителей фермы и коронованные особы. Здесь в 1897 г., в частности, побывала австрийская императрица Елизавета (1837–1898).

Е.Е. Лазарев впервые приехал в Швейцарию летом 1895 г. К этому моменту 23 года из сорока прожитых лет он занимался революционной деятельностью, никогда не был женат, его неоднократно арестовывали и ссылали (см. подробнее: [Фролова 2011; Ёхина 2013]). Егор Егорович был энергичным, талантливым и очень незаурядным человеком. Выходец из крепостных крестьян, он смог осуществить свою мечту и поступить в «школу барскую» [Лазарев 1935, с. 61] — гимназию, где отлично учился, параллельно давал уроки и фактически содержал себя сам. Несмотря на то что закончить учебу ему не удалось (отчислен после первого ареста в 1874 г.), всю жизнь Лазарев занимался самообразованием, совершенствуясь в самых различных сферах, включая медицину. При этом он никогда не остав-

¹ Сергей Маркович Перский указывал на то, что мода на кефир пришла в Швейцарию именно из России, впервые он стал приготовляться в Цюрихе, а затем и на побережье Лемана. Вот как описывает Перский методику применения кефира в Швейцарии того периода: «Для лечения кефиром не существует никакого определенного курса; чем больше и дольше его пить, тем лучше для больного. Обыкновенно его пьют натощак, делая умеренный моцион на открытом воздухе. Часа через два после первого завтрака, при такой же прогулке, принимают вторую порцию; через два часа после обеда — третью. К закату солнца надо прекратить и прогулку и питье, а в 9–10 часов уже быть в постели. Какой из трех сортов кефира следует пить — слабый, средний или крепкий — зависит от организма, а потому выбор нужно предоставить опытному врачу» (см.: [Перский 1896, с. 129–130]).

² ГА РФ. Ф. Р-102. Оп. 226. Д. 6. Ч. 290. Л. 253.

Е.Е. Лазарев в Америке, 1890 г.
РГАСПИ. Ф. 274. Оп. 3. Д. 99. Л. 3

лял занятий физическим трудом, к которому был приучен с раннего детства. Лазарев был убежден, что нужно «торопиться жить, то есть мыслить, чувствовать, познавать себя и окружающий мир, напоминать людям, что человек из животного превращается в полубога только благодаря его жизни в обществе, что поэтому для полного человеческого счастья на земле долг каждого – любить ближнего своего, работать, творить...» [Там же, с. 74]. Много позже, в 1920-е гг., во время его пребывания в Чехословакии, российские эмигранты и чехи называли Егора Егоровича не иначе как «справедливый старик» [Андреев 1996, т. 2, с. 84].

Путь на швейцарские берега Лемана начался для Е.Е. Лазарева после побега из ссылки в Восточной Сибири (1888–1890). Добравшись до США, он провел здесь четыре года

(1890–1894). Жил в Сан-Франциско, затем в Денвере, где интенсивно занимался изучением английского языка в «Академии красноречия и выразительного чтения» [Лазарев 1935а, с. 19], летом 1891 г. работал на крупной земледельческой ферме. Во время двухлетнего пребывания в городе Милуоки (штат Висконсин) Лазарев освоил ремесло профессионального наборщика, затем переехал в Нью-Йорк, где вместе с политэмигрантом Л.Б. Гольденбергом (1846–1916) основал Общество американских друзей свободы в России [Фролова 2011, с. 61].

Жизнь в Америке захватила Лазарева настолько, что он собирался принять американское гражданство [Лазарев 1935а, с. 22], однако в марте 1894 г. Егор Егорович вынужденно покинул США и по вызову своих лондонских товарищей, создавших Фонд вольной русской прессы (ФВРП)³, отправился сначала в Лондон, а затем в Париж, в качестве его представителя. Была и еще одна, куда более весомая причина отъезда Лазарева из полюбившейся ему Америки. О ней мы узнаём из отчетов заграничной агентуры Департамента полиции, сообщавшей в Петербург, что «заграничные революционеры пришли к убеждению, что при наличных своих вожаках им никогда не удастся добиться объединения столь необходимого для революционных целей <...>. Озабоченные таким положением дел, эмигранты не нашли в своей среде никого, кто мог бы при данных условиях взять на себя трудную задачу объединения <...>. За отсутствием достойного в собственной среде человека, который вполне подходил бы для исключительной организаторской роли проектируемой группы, выбор эмигрантов пал на эмигранта Егора Лазарева. По их мнению, это человек свежий, стоящий вне партий, не замешанный ни в какие

³ Фонд вольной русской прессы основан в Лондоне в 1891 г. революционерами-народниками С.М. Степняком-Кравчинским, Ф.В. Волховским, Н.В. Чайковским и другими с целью издания и распространения пропагандистской литературы, запрещенной в России.

эмигрантские дрязги, энергичный, не связанный личными интересами в пользу того или другого кружка и потому способный создать требуемое революционное представительство...»⁴ Другой агент охранки приводил текст перлюстрированного письма Г.В. Плеханова Лазареву: «Мы на вас все возлагаем большие надежды, дорогой Егорыч, бросьте, наконец, Америку и приезжайте, вы увидите живое русское дело, <...> сделаетесь душою его»⁵.

Поездка Лазарева в Европу фактически означала его согласие взять на себя роль объединителя разрозненных социалистических групп. Между тем вскоре после приезда во Францию Егор Егорович был арестован и выслан из страны. Вернувшись в Лондон, он занял пост секретаря ФВРП, но вскоре уехал в Швейцарию и обосновался на ферме в Божи над Клараном, время от времени совершая поездки в Женеву и Цюрих. Внимательно отслеживавший его передвижения глава русской заграничной агентуры П.И. Рачковский с тревогой доносил в Петербург, что Лазарев удается добиться «слияния эмиграции всех оттенков в общую организацию»⁶. В октябре 1895 г. он же с удовлетворением констатировал: «Лазарев имел свидание с Плехановым и Аксельродом, что, как и следовало ожидать, кончилось между ними не проектированным соглашением, но новым крупным раздором»⁷.

Главная цель — создание объединенной организации социалистов — так и не была достигнута, однако эта поездка стала знаковой для личной жизни Егора Егоровича. В Лондон он вернулся полным решимости связать свою жизнь с хозяйством кларанской фермы Ю.А. Лакиер, вдовой русского эмигранта П.А. Лакиера⁸, и навсегда переселиться в Швейцарию, о чем и сообщил своим сотоварищам по ФВРП [Лазарев 1935а, с. 26–27]. В марте 1896 г. вездесущий П.И. Рачковский сообщал: «Эмигрант Егор Лазарев отправился из Лондона в Швейцарию и поселился в Кларане у г-жи Лакиер, на которой он намерен жениться после Пасхи. Если положение дел “Фонда Вольной русской Прессы” не потребует его пребывания в Лондоне, то он решил на неопределенное время основаться в Швейцарии, чтобы закончить организацию местных революционных кружков и принять на себя руководство их деятельностью»⁹.

Так, именно в Швейцарии, политическая деятельность Е.Е. Лазарева оказалась тесно переплетена с его личной жизнью. Через четыре года после женить-

---

⁴ ГА РФ. Ф. Р-102. Оп. 226. Д. 6, ч. 290. Л. 9–9 об.

⁵ Там же. Л. 8 об.

⁶ Там же. Л. 152.

⁷ Там же. Л. 175.

⁸ Петр Александрович Лакиер (1852 — нач. 1890-х) родился в семье известного историка, писателя, автора исследования «Русская геральдика» А.Б. Лакиера (1824–1870) и О.П. Плетневой, умершей сразу после родов. До семи лет воспитывался в доме деда, ректора Петербургского университета П.А. Плетнева (1792–1865), крестным отцом П.А. Лакиера стал великий князь Александр Николаевич, будущий император Александр II (см. подробнее: [Цымбал 2005]). В начале 1870-х гг. Лакиер уехал в Швейцарию для получения высшего образования, но, по-видимому, курс в высшей школе не окончил, занявшийся фермерским хозяйством (см. подробнее: [Соболева 2005]).

⁹ ГА РФ. Ф. Р-102. Оп. 226. Д. 6, ч. 290. Л. 205–205 об.

бы в письме В.Г. Короленко¹⁰ Лазарев так описывал произошедшие в его жизни перемены: «Я успел переплыть океан и после нескольких турнов остался на более оседлое положение в Швейцарии: женился и дою коров <...> теперь сижу и слежу, как живут, думают и движутся кругом меня народы. А ведь я, действительно, как раз среди народов Европы. Дойка коров, будучи повелительно необходимой, не может захватить все мои симпатии, и потому я занимаюсь переводной и компилятивной работой»¹¹. Разумеется, именно тема «движения народов» и их надежд на изменение миропорядка продолжала оставаться важнейшей для Лазарева в эти годы. А кларанская ферма стала своего рода микромоделью того мироустройства, к которому он стремился, — сюда приезжали и здесь жили люди самых разных политических и общественных взглядов.

Летом 1896 г. в Божи приехали в будущем известные русские социалисты Екатерина Дмитриевна Кускова (1869–1958) и Сергей Николаевич Прокопович (1871–1955)¹². Пройти здесь курс лечения страдавшей от туберкулеза Кусковой порекомендовала жена Г.В. Плеханова, врач по образованию, Розалия Марковна Боград (1856–1949). Кефир с лазаревской фермы, подчеркивала она, по своим лечебным свойствам «средство еще более действенное, чем кумыс» [Кускова 1958, с. 136]. Невзирая на то, что уже в это время Боград называла Лазарева «наш политический враг» [Там же], это отнюдь не мешало и больному туберкулезом Плеханову также поправлять свое здоровье кефиром, произведенным в стане политического оппонента. Впрочем, вероятно, решающее значение в этой терапии имела все-таки личность хозяина фермы: «Полная противоположность Плеханову, — вспоминала о Лазареве Е.Д. Кускова. — Веселый, шутник, обятия ко всем людям. А людей на ферме много, почти все революционеры. Почти все они были больные, с привязанными к поясу бутылками: кефир. Кефир подавался и за чаем. Это был замечательный напиток, нигде потом такого не встречала. Лазарев говорил, что коровам для кефирного молока нужны были особые травы, они паслись тут же на ферме» [Там же, с. 137].

Возможно, Лазарев выстраивал свое фермерское пространство не без оглядки на тот опыт, который он приобрел еще в начале 1880-х гг., когда в течение нескольких недель гостил в самарском имении Л.Н. Толстого вместе с «приезжей на кумыс» группой столичной молодежи. Тогда все присутствующие «сходились к столу, чтобы повидаться и поболтать сообща», а отдых «заключался в переваривании поглощенного кумыса и философических перекличках, лежа на спине» [Лазарев 1935а, с. 137–138]. Четверть века спустя Лазарев воспроизвел в Божи толстовский опыт. Приехавшему Прокоповичу он советовал: «Оставляйте жену дома, а сами не пропускайте наших собраний: мы тут занимаемся не только коровами, но и людьми...» На вопрос Прокоповича о том, насколько часты собрания, последовал ответ: «Да каждый вечер, часов до 4 утра» [Кускова 1958, с. 137].

---

¹⁰ С Владимиром Галактионовичем Короленко (1853–1921) Лазарев познакомился в США во время посещения Международной выставки в Чикаго [Фролова 2011, с. 60].

¹¹ НИОР РГБ. Ф. 135. Разд. II. К. 28. Д. 10. Л. 1–1 об.

¹² Об обстановке на ферме см.: [Кускова 1958].

«Вечером — ферма приступ русского радикализма» [Кускова 1958, с. 142] — такую характеристику давала Е.Д. Кускова собраниям на лазаревской ферме, основным лейтмотивом которых, помимо общих разговоров о России, была критика Г.В. Плеханова и марксизма. При этом из марксистов, проходивших здесь лечение, кроме себя и Прокоповича, Екатерина Дмитриевна никого не припоминала. Р.М. Боград-Плеханова бывала наездами, и после каждого ее посещения супругов еще больше «брали в штыки». У самого Е.Е. Лазарева позиция апологетов марксизма ничего не вызывала, кроме насмешек. Кускова приводит одно из его высказываний по этому поводу: «И дался же вам этот “капиталист”, к Рассеюшке нашей совершенно неприменимый... К чему тратите время? Я много раз пробовал осилить его “Капитал” и с досадой швырял эту насыщенную мнимой ученостью книгу. Ну, абсолютно-таки никакого отношения к России она не имеет...» [Кускова 1958, с. 143]. Но острые политические дискуссии не мешали кефири и горному воздуху делать свое благое дело. Подводя итог пребывания в Божи, Кускова констатировала: «Швейцарская деревня принесла всем нам троим большую пользу. Стала поправляться и я. Не говорю уже о внутреннем успокоении... В этой чудесной деревушке все мучившие меня вопросы пали. Внутренне была вполне готова “делать жизнь”» [Там же, с. 142].

Спустя год после того, как Е.Е. Лазарев обосновался на ферме, в апреле 1897 г. ее посетила и австрийская императрица Елизавета. Вспоминая об этом незаурядном событии, Егор Егорович сожалел, что не вел тогда систематических записей: «...а мог бы, — сокрушался он, — если бы в то время я не был идеалистом и интересовался Историей, а не спасением человечества» (цит. по: [Фролова 2011, с. 64]). Тем не менее синхронные этим событиям записи Лазарева сохранились. Его кларанская корреспонденция также перлюстрировалась агентами Российской

Основное здание на ферме Е.Е. и Ю.А. Лазаревых,
б/д, ориентировочно 1900 г.
РГАСПИ. Ф. 274. Оп. 3. Д. 99. Л. 1

охранки, благодаря чему мы знаем о визите императрицы из уст самого Лазарева: «Приехала сюда Императрица Австрийская Елизавета, стала пить кефир и молоко с нашей фермы, то и другое ей так понравилось, что она заинтересовалась фермой и пожелала узнать подробности, свойство и влияние кумыса. В одно время, совершенно неожиданно, явилась к нам на ферму. Я пригласил ее в сад к нам на ферму, и, усевшись, она выпила с удовольствием бутылку кефира и провела более часа, толкуя о политике. Инкогнито живет она в Гранд Hôtel-le¹³, особа очень милая и симпатичная. Пробудет она еще недели две здесь и за все это время мне придется бегать, как борзому кавалеру»¹⁴.

С первого взгляда ситуация кажется парадоксальной — императрица Австро-Венгрии не только посещает ферму революционера-народника, но и приглашает его, по словам Лазарева, состоять при ней лейб-медиком на всё время ее шестинедельного пребывания в Монтрё [Лазарев 1935, с. 64]. Впрочем, подобного рода поступки были свойственны Елизавете. Современница императрицы норвежская писательница Клара Чуди (1856–1945), выпустившая в 1901 г. в Лондоне ее биографию [Tschudi 1901]¹⁵, отмечала, что «страстная любовь к природе, горячее влечение к науке и мучившее ее нервное беспокойство заставляли императрицу Елизавету проводить большую часть времени в переездах с одного места на другое. Обыкновенно она путешествовала по чужим землям без свиты, в качестве простой туристки» [Чуди 1913, с. 127]. Швейцарию императрица особенно любила. Помимо Женевы, где Елизавета могла никем не замеченная разгуливать «среди всевозможных космополитов» [Там же, с. 186–187], она часто останавливалась в Террите [Там же, с. 183] — деревне в Монтрё, располагавшейся недалеко от Божи. Именно здесь Елизавета жила во время своих посещений фермы Е.Е. Лазарева.

Ответ на вопрос, как императрица могла узнать о ферме Лазаревых, думается, не так и сложен. Продукция фермы к моменту появления на ней Е.Е. Лазарева была уже довольно популярна. В частности, С.М. Перский упоминает, что большинство отелей в Монтрё снабжались кефиром, приготовляемым «в деревне Божи, на ферме, известной своим отличного качества “молоком для больных”», а содержала ферму русская дама [Перский 1896, с. 129]. Дамой этой была не кто иная, как Ю.А. Лакиер. Учитывая, что Елизавета во время своих путешествий имела привычку «без предупреждения посещать понравившиеся ей частные сады» [Корти 1998, с. 548], неудивительно, что она появилась и на ферме.

Была и еще одна причина, которая вполне могла мотивировать интерес императрицы к молочной ферме Лазарева. Елизавета постоянно и в некотором роде болезненно следила за своим весом, колеблющимся в диапазоне от сорока шести до пятидесяти килограммов. Сопровождавшая императрицу в путешествии 1894 г. графиня Ирма Сттараи отмечала ее увлеченность «новомодными» молочной и апельсиновой диетами, соблюдение которых предусматривало употребление в течение всего дня только этих продуктов [Там же, с. 549–550]. В начале

¹³ Речь идет о Гранд Отеле (*фр.* Grand Hôtel des Alpes à Territet) в деревне Террите в Монтрё, в котором императрица Елизавета проживала четыре раза в период с 1893 по 1898 г.

¹⁴ ГА РФ. Ф. Р-102. Оп. 226. Д. 6, ч. 290. Л. 239–239 об., 241 (письмо от 9 апреля 1897 г.).

¹⁵ В 1913 г. книга вышла в России, см.: [Чуди 1913].

1895 г., во время проживания в Кап-Мартен (Франция), по указанию Елизаветы были приобретены коровы и отосланы в Австрию для устройства образцовой молочной фермы [Корти 1998, с. 551]. С учетом вышесказанного, неудивительно, что Елизавета и Е.Е. Лазарев нашли общий язык. Убийство императрицы 10 сентября 1898 г. итальянским анархистом Лукени «глубоко возмущило и потрясло ее бывшего лейб-медика» [Лазарев 1935а, с. 29]. В семейном альбоме среди фотографий родных и близких Е.Е. Лазарев бережно хранил памятную открытку с фотографией Елизаветы¹⁶, а также открытку, на которой был запечатлен памятник императрице в Террите¹⁷.

Тем временем популярность фермы доставляла немало хлопот хозяевам, ибо основную работу они выполняли сами. «Дом у нас всегда полный. Уже несколько лет, как мы перешли совсем на демократический лад, — писал Лазарев в апреле 1903 г. А.Д. Чарушиной в Вятку. — Прислуги у нас нет, приходится отдуваться жене и самим сожителям. Тут чисто русская волость у нас. Русских больше, чем в России, хоть отгребай. Летом сюда съезжаются старые друзья со всей Западной Европы, кроме матушки Руси»¹⁸. Еще более эмоциональное письмо он отправил в сентябре 1906 г. известному в будущем книжнику и просветителю Н.А. Рубакину: «Здесь народу видимо невидимо. Вместо ссылки в Сибирь теперь стали высыпать сюда по паспорту без права возвращения на год, на полтора, на 2 и на 3 года. Да еще с оплатой паспортных пошлин. Или в Туруханск, или в Париж! — выбирай любое. Если в Туруханск — вот тебе 1 ½ целковых в зубы, в месяц; а если в Париж — пожалуйста, по 30 руб. в год за удовольствие! — Что же, при нынешней бедности и 30 руб. деньги для нашего государства. Платят и едут. Вы понимаете, что это значит для моей персоны:

Е.Е. Лазарев с женой Ю.А. Лазаревой на ферме, 1900 г.
РГАСПИ. Ф. 274. Оп. 3. Д. 99. Л. 7

¹⁶ ГА РФ. Ф. Р-5824. Оп. 2. Д. 216. Л. 45.

¹⁷ Там же. Л. 44.

¹⁸ Там же. Ф. Р-102. Оп. 226. Д. 6, ч. 290. Л. 253.

с утра до темной ночи — ни отдоху, ни сроку! Идут разом две волны: богачи и го-штанники. Богачи с семьями, многие евреи. А вы знаете из Библии, до какой степени божественно плодовит этот народ избранный. И вот для ослабления зла я стараюсь теперь основать общество для примирения богачей с гоштантниками. Пусть первые приглашают вторых для обучения их чад и домочадцев. Иногда удается такой компромисс. Но, в общем, все-таки туда приходится»¹⁹.

Повлияла ли эта усталость на решение Лазарева уехать из Швейцарии или оно было обусловлено причинами политического характера, нам неизвестно, но в конце 1906 г. Егор Егорович вернулся в Россию. С этого момента и до 1917 г. он так и курсировал между Россией и Швейцарией, а вся забота о ферме фактически легла на плечи его супруги. Хотя после отъезда мужа хозяйственных забот прибавилось, все же морально Юлия Александровна вздохнула явно свободнее. В июле 1907 г. она писала Лазареву: «...живем в твоё отсутствие спокойно, любовно и д<е>способно, потому что у нас не было трактира, и если люди приходили, то не мешали нам работать, потому что бывали только по делу и не засиживались. И дети²⁰ пришли в себя, да и я отдохнула и телом, и душой. <...> А филантропия и восточное гостеприимство принижают личность и изматывают силы до полной апатии ко всему и всем. Так жить нельзя. За период твоего отсутствия мы жили и ни в чем себе не отказывали. Заплатили за лошадь, за постройки, поставщикам сена, поставщикам провизии, оделись. <...> Кроме всего этого, мы давали деньги по подписным листам на бедных и вообще никогда не отказывали в помощи, но делали это, зная, что ход нашей жизни никак не нарушался, и мы жили спокойно, без вспышек и раздражения, радовались, что у нас все идет так ладно и складно»²¹. Однако вскоре выяснилось, что альпийская тишина и спокойствие без «веселого шутника» Лазарева, замкнутость на хозяйственных проблемах без ночных дискуссий странноватых русских гостей хороши лишь на время. И уже в письме Ю.А. Лазаревой мужу, датированном марта 1910 г., прозвучало громкое отчаяние: «Боже, как я проклинаю себя за то, что связала себя по рукам и ногам этой фермой. Ведь она поглощает такую массу у всех нас времени, что один ужас берет, и невольно спрашиваешь себя: неужели такая сфера деятельности есть цель жизни? Нет, это что-то кошмарное, и я не могу себе представить, как это люди мирятся с подобной жизнью?!»²² Несмотря на тяжелое эмоциональное состояние и усталость, Юлии Александровне будет суждено прожить в Божи еще целых двенадцать лет, оставшись практически в полном одиночестве.

Е.Е. Лазарев навсегда покинул Россию в июне 1919 г., эмигрировав в Чехословакию. Судя по письму, которое он отправил Ю.А. Лазаревой еще из Москвы в марте 1918 г., о ее судьбе он долго ничего не знал: «Сколько ни писал открыток и закрыток — ответа не было. <...> Жива ли ты, ничего не знаю. Как живешь? Здорова ли? И ты не знаешь — жив ли я. Жив. А это одно, по нынешним временам,

¹⁹ НИОР РГБ. Ф. 358. К. 246. Д. 32. Л. 3.

²⁰ На ферме с 1901 г. жили внучатые племянники Е.Е. Лазарева Петя и Миша, которых Егор Егорович и Юлия Александровна, за неимением собственных детей, взяли на воспитание.

²¹ ГА РФ. Ф. Р-5824. Оп. 1. Д. 162. Л. 390–390 об., 391–391 об.

²² Там же. Л. 339.

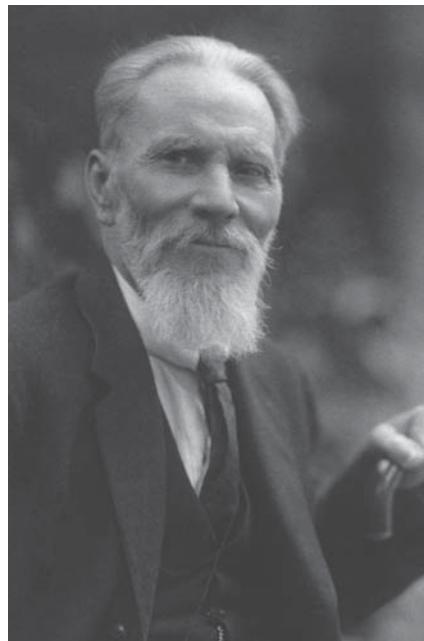
много значит...»²³ В октябре 1919 г. от друга семьи О.К. Фоновой Егор Егорович получил известие о том, что Юлия Александровна продала ферму и жила в небольшом домике «напротив своего бывшего имения»²⁴. Связь между супругами вскоре была восстановлена, но перевезти жену в Чехословакию Лазарев смог только в 1922 г.

В Чехословакии они прожили вместе еще более десяти лет. Егор Егорович очень тяжело переживал смерть жены в 1932 г. Е.Д. Кускова, также находившаяся в этот период в Праге, прислала письмо соболезнований, в котором сокрушалась, что они с Сергеем Николаевичем «благодаря своему затворничеству, так и не встретились с покойной Юлией Александровной. А когда услышали, что она скончалась — так живо вспомнили Швейцарию <...>, Clarens и Юлию Александровну», всегда тихую, скромную, всегда за работой...»²⁵

Е.Е. Лазарев ушел из жизни спустя пять лет после смерти жены, 23 сентября 1937 г.

Незадолго до кончины он писал: «...стою накануне путешествия по стопам моей супруги, с которой решил соединиться в местном крематории» [Лазарев 1935, с. 74]. Друзья и соратники Егора Егоровича выполнили его волю. Вспоминая об этом печальном событии, историк Н.Е. Андреев указывал на то, что Е.Е. Лазарев был очень популярен в Праге. Он «искал широкого фронта борющихся против Сталина и компании. Его редкие выступления всегда были интересны, он не был ни левый доктринер, ни правый, это был просто Егор Егорович Лазарев. Когда он умер, его сожгли в крематории, собралось много видных чехов, левых эсеров, и просто эсеров, и представителей русской колонии, и всякой твари по паре. Всё было, как положено, при сжигании играли соответствующую музыку и вдруг в конце исполнили “Стеньку Разина”! Они решили, раз такой крупный русский сжигается, надо почтить его национальной песней! Таков был уровень понимания и знания России» [Андреев 1996, с. 84].

Екатерина Дмитриевна Кускова, приехав в Болжи уже после Второй мировой войны, не узнала этих мест: «...всё застроено виллами, есть рестораны, идет от Кларана трамвай. Всё это испортило эту прелестную деревенщку, с тех пор как мы там жили в 1896 г. И нет этого аромата роз, нет и фермы Лазарева...» [Кускова 1958, с. 138].

Е.Е. Лазарев в Чехословакии. 1926 г.
РГАСПИ. Ф. 274. Оп. 3. Д. 99. Л. 34

²³ Там же. Л. 544.

²⁴ Там же. Д. 298. Л. 8 об.

²⁵ Там же. Д. 273. Л. 6.

Источники и литература

ГА РФ — Государственный архив Российской Федерации

НИОР РГБ — Научно-исследовательский отдел рукописей Российской государственной библиотеки

Андреев 1996 — *Андреев Н.Е.* То, что вспоминается. Из семейных воспоминаний Николая Ефремовича Андреева (1908–1982): в 2 т. Таллинн, 1996. Т. 2.

Ёхина 2013 — *Ёхина Н.А.* Егор Егорович Лазарев: Из материалов к биографическому словарю российской эмиграции в Чехословакии // Российская эмиграция в 1920-е гг. в Праге: Мат-лы Всерос. науч.-практ. конф. Воскресенск, 2013. С. 54–70.

Корти 1998 — *Корти Э.Ц.К.* Елизавета I Австрийская. Ростов н/Д., 1998.

Кускова 1958 — *Кускова Е.Д.* Давно минувшее // Новый журнал. Нью-Йорк, 1958. Кн. 54. С. 117–157.

Лазарев 1924 — *Лазарев Е.Е.* Ленин-Ульянов. Прага, 1924.

Лазарев 1935 — *Лазарев Е.Е.* Из переписки с друзьями. Ужгород, 1935.

Лазарев 1935а — *Лазарев Е.Е.* Моя жизнь: Воспоминания, статьи, письма, материалы. Прага, 1935.

Перский 1896 — *Перский С.М.* Швейцария на берегу Женевского озера: Веве, Монтрэ и их окрестности. Женева, 1896.

Соболева 2005 — *Соболева Н.А.* Род Лакиеров // Гербовед. 2005. № 79. С. 139–152.

Фролова 2011 — *Фролова Е.И.* «Если любишь Россию...». Егор Егорович Лазарев (1855–1937) // Осмысление судьбы: Историко-биографические очерки, публицистика. СПб., 2011. С. 54–84.

Цымбал 2005 — *Цымбал А.А.* Семейство Лакиер // Вехи Таганрога. 2005. № 26. С. 26–31.

Чуди 1913 — *Чуди К.* Императрица страдалица: Елизавета, императрица Австрийская и королева Венгерская / пер. с нем. Л. Горбуновой. М., 1913.

Tschudi 1901 — *Tschudi C.* Elisabeth, Empress of Austria and Queen of Hungary. L., 1901.